УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«70 лет – 70 лиц Великой войны»

В их глазах, морщинах и жестах застыли истории великих побед и поражений, счастливых мгновений и трагических воспоминаний. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков редакция газеты «Гомельские ведомости» подготовила проект «70 лет – 70 лиц Великой войны», который расскажет о ветеранах Великой Отечественной войны, принимавших участие в освобождении нашей Родины.

Участниками проекта стали и фотографы Гомеля. Каждому из 70 профессиональных и начинающих фотохудожников нужно было сделать портрет одного фронтовика. Представляем вам очередной цикл работ.

Михаил Васылев, 90 лет.

«Наш авиационный полк получил наименование "Брестский" после бомбёжки этого города во время операции "Багратион", – говорит Михаил Васылев. – Был в механиком авиавооружения, но в ночь, когда мы делали налёт на железнодорожный узел, заболел стрелок самолёта, и я занял его место. Мне нужно было следить за тем, чтобы на нас не напали немецкие истребители. В момент сброса бомб самолёт чуть приподнялся, а я глянул вниз – передо мной открылась панорама огромного пожара. Станция пылала, как огромный факел. Удивительно, но страха не ощущал совсем. Не до него было. Всё внимание было сосредоточено на выполнении обязанностей».

Фотограф: Антон Мешков.

Пётр Мельников, 89 лет.

«Мы вчетвером форсировали Днепр на рыбацком челноке. Фашисты начали бить шквальным огнём. От взрывов лодка перевернулась. Наш командир взвода стал тонуть, а я за него ухватился и вытащил на берег, – вспоминает Пётр Мельников. – В ходе Бобруйской операции взяли в плен 20 тысяч немцев. Лично я захватил немецкого полковника. Он спрятал важные документы в портфель и попытался бежать, и тут я скомандовал: "Хенде хох!" А больше всего досталось нам под Ловеем. Немцы укрепились на высоком берегу, а мы у них были, как на ладони. Но всё-таки мы продвигались. Знаете, такое было напряжение. Словами не передать».

Фотограф: Евгений Вай.

Михаил Легчекин, 88 лет.

«Помню, диверсанты в очередной раз лишили нас связи, – рассказывает Михаил Легчекин. – Растянули мы катушку с кабелем. И тут досада: не хватает метра, чтобы соединить концы. А нужно было срочно устранить разрыв. Что делать? Взялся я за концы проводов. Говорю девушкам-радистам: «Ищите колючую проволоку, а я пока вместо провода "поработаю"». Час держал. Ток, когда индуктором крутишь, небольшой, но меня всё же щипало. Понимал, что не имею права бросить. Батарея ждала данных, чтобы изготовиться к стрельбе. Я их буквально пропускал через себя».

Фотограф: Анна Градович.

Георгий Евдохименко, 95 лет.

«Выпьешь свои 100 граммов – и вперёд. Нервы в кулак – и всё, – говорит бывший пехотинец. – Люди рядом падают, а ты кричишь: "Ур-а-а-а!" Привыкаешь постепенно. Причём нам давали не водку, некогда было её очищать, в спирт-сырец. А после боя мы получали по 200, а то и 300 граммов. Почему? Старшина приносил в ранце за плечом спирт, к примеру, на 100 человек, а нас после боя оставалось в лучшем случае половина. Вот и разливали по 200». Получив тяжёлое ранение, Георгий Саввич во время операции «Багратион» строил полевые аэродромы. А после войны в звании кандидата исторических наук преподавал в университете имени Ф. Скорины.

Фотограф: Игорь Брель.

Андрей Федоренко, 99 лет.

Капитан артиллерии Андрей Федоренко освобождал от фашистов Брестскую область, «Я командовал дивизионом сорокапяток. Руководил стрельбой двенадцати 45-миллиметровых противотанковых пушек. Кричу: "Огонь!" И мы ка-а-а-к ударим! От фашистов одни ошмётки летели».

Фотограф: Евгений Кирейкин.

Фараваз Муртазин, 88 лет.

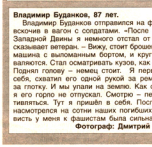
Фараваз Муртазин попал на фронт из маленькой татарской деревушки Турнаево под Тюменью. «Я тогда и по-русски-то говорил с трудом, – вспоминает фронтовик, – а тут сразу попал в войска правительственной связи. Мне, худенькому, маленькому, ростом метр шестьдесят, приходилось таскать огромные катушки с кабелем для того, чтобы налаживать связь. Мы попали по-пластунски первыми, соединив фронты, а за нами – пехота». Младший сержант Фараваз Муртазин в составе 3-го Белорусского фронта освобождал Витебск, Оршу, Борисов, Минск и Молодечно. «Тяжелее всего мне было, когда во время операции "Багратион" рядом разорвался снаряд, и мои товарищи, жившие со мной на одной деревенской улице, погибли, – не скрывая слёз, рассказывает ветеран. – До сих пор стыдно перед ними, что живой остался».

Фотограф: Александра Мельничек.

Владимир Шляйцев, 89 лет.

«Войну невозможно рассказать! – с чувством выплёвывает бывший зенитчик Владимир Шляйцев. – Помню, как в четырёх километрах от Орши увидели строй пленных немцев. Но нам было не легче. Сами в это время грузили оружием полуторку, цепляли к ней пушку, а затем шли рядом с машиной, фактически толкая её. Остановились под Лидой. Жутко вспомнить – идём с товарищем через поле... а оно всё усыпано трупами, разрытыми, разутыми, погребенными волками. Приехала полевая кухня, а кормить было уже некого».

Фотограф: Андрей Юров.



Владимир Буданков, 87 лет.

Владимир Буданков отправился на фронт в 16 лет, вскочив в вагон с солдатами. «После форсирования Западной Двины я немного отстал от своих, – рассказывает ветеран. – Вижу, стоит брошенная немецкая машина с выломанным бортом, и кругом документы валяются. Стал осматривать кузов, как слышу – шаги. Поднял голову – немец стоит. Я первым прицелил в себя, схватил его одной рукой за ремень, а другой за глотку. И мы упали на землю. Как он не бился, а я его горло не отпускал. Смотрю – перестал сопротивляться. Тут в прицел в себя. После того, как я насмотрелся на сотни наших погибших солдат, ненавидеть у меня к фашистам была сильная».

Фотограф: Дмитрий Добролобов.

Материалы подготовил Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ, «ГВ».